

МЕХАНИЗМЫ УВОЛЬНЕНИЯ ГУБЕРНАТОРОВ РОССИИ: ОПЫТ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

А. Н. Бикташева

Казанский государственный университет

Статья "Механизмы увольнения губернаторов России: опыт Казанской губернии" отражает архивные изыскания автора. Ее содержание посвящено изучению проблем властвования российских губернаторов, влиянию региональных специфик на практику их увольнений.

К сожалению, проблема кадровой политики верховной власти, практика назначения и увольнения высшей бюрократии остается малоизученной темой.

Как у любого чиновника, карьера губернатора завершалась отставкой. Формально находясь в генеральском чине, его служба пределов длительности не имела. Увольнение губернаторов совершалось именем Государя по представлению министра внутренних дел. Следствием этого верховного акта могло стать дальнейшее повышение по службе, перевод в другую губернию, отрешение от занимаемой должности без права продолжения службы, отдача под суд. Отставка могла происходить и по собственному желанию по причине состояния здоровья, семейных обстоятельств, преклонности лет.

Процедура увольнения выглядела следующим образом: по представлению министра внутренних дел император именным указом выносил свое решение на утверждение в Сенат, затем появлялся указ "из Правительствующего Сената" на имя господина министра внутренних дел об увольнении главы губернии. Тексты подобных "сенатских" указов декларировали "Высочайшее соизволение", "Всемилоостивейшее повеление" без каких-либо личностных акцентов или пояснений. Коллекция делопроизводственных дел, отложившаяся в архиве министерства внутренних дел под общим названием "Об определении и увольнении губернаторов"¹, содержит более полную информацию персонального характера. Эти документы позволяют расширить наши представления о реальных причинах увольнения отдельных губернаторов, судить о практикуемых способах отставки.

К примеру, увольнение вятского гражданского губернатора Павла Степановича Рунича в 1804 г. произошло по его собственному прошению. "Об-

ремененный многочисленным семейством и по причине старости, а главное бедственным положением по причине долгов", он обратился к министру внутренних дел с просьбой уволить его с занимаемой губернаторской должности. В документе указана и более прозаическая причина желаемой отставки: — "не имея никакого имения, ни доходов, кроме жалования... не могу содержать себя с моим семейством в звании губернаторском, не входя время от времени в большие и большие долги... в таком расстроенном состоянии я никак не в силах нести тягостей, с губернаторским званием сопряженных"². В подобных обращениях часто обыгрывался срок выслуги, Рунич, также напоминая о 43-летней службе, просит увольнение с переводом в Петербург на любую должность соответственно его чину с целью дать своим детям хорошее образование, ибо такая возможность терялась в вятской глуши. Подобные семейные обстоятельства официально оговаривались и при увольнении таврического гражданского губернатора Г. П. Милорадовича, имевшего пятерых мальчиков и четырех девиц в семействе³. По болезням "не в силах продолжать службу петербургского гражданского губернатора" просил об отставке 38-летний Сергей Сергеевич Кушников⁴. По иному оборвалась карьера волынского гражданского губернатора Гавриила Степановича Решетова. В рапорте на имя императора генерал-губернатор Эссен сообщил, что его подчиненный "слабо исполняет возложенную на него обязанность" и не проявляет должного уважения к генерал-губернатору⁵. Разрешая сложившуюся межличностную ситуацию, Александр I уволил Решетова, сохранив размер его жалования "в пенсион по смерти". Смещение губернаторов по их собственному прошению или "по домашним обстоятельствам" часто являлось делопроизводственной формальностью, за которой скрывалась

² Там же, д. 256, л.54—55.

³ Там же, л. 79—80.

⁴ Там же, д.117, л.75.

⁵ Там же, л. 59.

© Бикташева А. Н., 2006

¹ РГИА, ф. 1286, оп.1, д. 13; д.87; д.117; д.178; д.236; д. 256.

реальная причина, известная узкому кругу высших сановников.

Если назначение губернаторов определялось столичной конъюнктурой, то процесс отрешения их от должности напрямую зависел от местных обстоятельств. Чтобы разобраться в формальных и неформальных механизмах отставки, обратимся к практике властвования отдельных губернаторов Казанской губернии. В рамках одной губернии резко проявляются нюансы реализации политических решений, вмешательство региональных факторов в практику увольнений высшей бюрократии в российской империи. Можно проследить эволюцию применяемых верховной властью способов поддержания имиджа власти, соотносить декларируемую политику с реалиями местной специфики управления. А главное, изучая практику увольнения губернаторов, можно выявить неформальные механизмы вмешательства в их властные полномочия, влияние местного дворянства на проводимую центральной властью кадровую политику и на состав коронных чиновников.

В изучаемый период в Казани сменилось 16 губернаторов⁶. Аплечеев, Мансуров, Розен, Жеванов — по причине смерти, Жмакин был переведен в Симбирскую губернию, Пирх уволен по болезни. Остальные десять разбились следующим образом — шестеро губернаторствовали в первую четверть века, трое во второй, в отмене крепостного права участвовал Петр Федорович Козлянинов. Все казанские губернаторы Александровской эпохи были уволены судебным порядком, гласным решением первого департамента Сената — это Пущин, Муханов, Кацарев, Гурьев, Толстой (дед Л. Н. Толстого). Нилов ушел в отставку по решению Комитета министров. Военные губернаторы николаевского времени — Стрекалов, Шипов, Баратынский (брат поэта Е. А. Баратынского) — увольнялись в связи с повышением по службе. Они стали сенаторами московского Сената. Отставка Козлянинова “согласно прошению” была организована при Александре II. Такова формальная сторона отлучения “начальников губернии” от должности в соответствии с кадровыми решениями каждого императора, проводимыми в рамках легитимации власти. Выявленная тенденция сменяемости казанских губернаторов в целом соответствовала общероссийской⁷.

⁶ См.: Губернии Российской империи. История и руководители. 1708—1917. — М.: 2003. С. 120—121.

⁷ Киселев И.Н., Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. М.: 1986. Вып. 9. С. 6—31; Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России

Официальный правовой механизм процесса увольнения губернаторов в российском законодательстве не был проработан в деталях. В “Наказе губернаторам” от 3 июня 1837 г.⁸ был систематизирован опыт предыдущих нормативных актов. Здесь оговаривался повод привлечения губернаторов к ответственности и виды наказаний. Статья 324 состояла из перечня пятнадцати случаев, когда “гражданские губернаторы подвергались ответственности пред высшим правительством”. Основными являлись: “неисполнение и неточное исполнение Высочайших повелений, указов Правительствующего Сената, министерств...”, по ревизии сенаторов..., за причастие к лихоимству, “превышение и бездействие власти”, “злоупотребление вверенной им власти”, допущение “важных беспорядков”, “произвольное вмешательство” в следственные дела и т.д. В статье 325 перечислялись виды наказаний, которым подвергались губернаторы — “замечаниям, выговорам или иным изысканиям, или же суду и удалению от должностей, не иначе как по ясному доказательству вины, и по Высочайшему повелениям, исходящим непосредственно от Государя императора или вследствие представлений по установленному порядку от Правительствующего Сената, министерств, главных в губерниях начальств, сенаторов, ревизовавших губернию, и других уполномоченных сею от высшего правительства лиц”. К “иным изысканиям” И. А. Блинов относит денежные штрафы, секвестр на имущество и “опубликование”, т.е. предание суду общественного мнения через печать⁹. Законодательство изучаемого периода проявляет лишь общие контуры механизма отрешения губернаторов от власти, отсылая нас к процессуальным нормативным актам уголовного и административного права того времени. Вместе с тем в “Наказе” четко прописано посредничество учреждений и официальных лиц, имевших непосредственное отношение к увольнениям губернаторов. Это Сенат, Комитет министров, генерал-губернаторы, сенаторы-ревизоры, личные порученцы императора. Полагаю, что за формулировкой “уполномоченные от высшего правительства” подразумевались жандармские офицеры, негласный надзор которых законодателем не афишировался.

второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1993 № 6; Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. XIX в. М.: 1991.

⁸ ПСЗ-2. № 10303.

⁹ Блинов И.А. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1904. С. 243.

В законодательстве не проводилось строгого разграничения между дисциплинарной провинностью и преступным деянием губернаторов. С 1816 года инициатива наложения выговоров, замечаний, штрафных санкций на начальников губернии стала исходить «единственно от лиц министров и за их подписанием, извещая каждый раз о сем Комитет министров для сведения. А министру юстиции доводить равным образом до сведения Комитета, когда подобные замечания или выговоры будут деланы от Правительствующего Сената»¹⁰. Таким образом, право наложения дисциплинарных наказаний на губернаторов постепенно перешло от Сената к Комитету министров, т.е. к непосредственному начальству, от которого зависело их назначение на должность. Исполнение их проводилось только с «Высочайшего соизволения». В отличие от судебной ответственности дисциплинарные взыскания налагались на губернаторов не по суду, а властью начальства по службе. Судебная ответственность «за преступления по должности» могла быть уголовной или гражданской. Под уголовной подразумевалось злоупотребление властью или полномочиями, под гражданской — обязанность возместить из своих средств ущерб, нанесенный упущениями по службе¹¹. Предание суду за должностные преступления происходило по постановлениям первого департамента Сената.

И все же закон не есть практика административной жизни, а скорее проект желаемого устройства. Он обращен к реальным людям, расположившимся на должностной лестнице, которым свойственно ошибаться, проявлять своекорыстие, иметь слабости и недостатки. Сила закона одним только фактом своего существования не может исключить возможности совершать неправомерные поступки. Нужны гарантии законности управления, чтобы сдерживать, ослаблять и устранять злоупотребления властью. Безусловно, гарантией законности является само устройство правящей власти, степень развитости институциональных отношений. Применительно к институту губернаторства средством к обеспечению «пределов власти» в местном управлении выступал административный надзор. Этот контроль на губернском уровне осуществлялся в формах отчетности, ревизий, постоянного наблюдения.

Сенат являлся высшим административным институтом, который изначально осуществлял

надзор над исполнительными органами власти. В Своде учреждения правительствующего Сената за 1832 г., в статье 278, к функциям первого (административного) департамента предписывались увольнения и определения должностных лиц, от решения их от должности, а также «общий надзор за действиями разных мест управления, происходящие от сего меры взыскания, понуждения и поощрения и разрешение между сими местами споров и пререканий о власти». По мнению С. А. Корфа, именно это «незаметно и бессознательно для самого законодателя» породило зачатки административной юстиции в России, особо проявив себя в Александровское царствование¹². Под административной юстицией юридический язык XIX в. толковал судебное обжалование актов управления, а в целом подчинение правящей власти судебному контролю¹³. Впрочем, в полной мере такая практика так и не сложилась. Речь может идти лишь об элементах административной юстиции, входящих в компетенцию первого департамента Сената и реализовывавшихся посредством подачи «жалоб частных лиц». Практика обжалования действий администрации через рекетмейстеров Сената была известна уже в XVIII столетии. В 1810 г. в составе Госсовета учреждается особая Комиссия для приема и рассмотрения прошений, проносимых на высочайшее имя¹⁴. Среди подведомственных ей дел первыми значились жалобы на администрацию и суды.

С 1812 г. начал действовать еще один канал подачи «всеподданнейших прошений» — Собственная Его Императорского Величества Канцелярия. После передачи дела соответствующему министру, наведения справок, прохождения процедуры проверки, а иногда с обсуждением в Комитете министров император назначал сенаторскую ревизию по фактам проверки и расследования поступившей жалобы. Инспекции Сената в течение всего XIX в. были основным средством контроля над провинциальной администрацией. Вообще ревизии делились на внутренние и внешние. Последние назывались еще «надведомственными», что подчеркивало их непричастность к ведомству МВД. Внешние ревизии назначались по особым Высочайшим повелениям, объем полномочий визитаторов определялся особыми инструкциями. Внутренняя ревизия могла быть периодической или внезапной, проводимой со стороны высших

¹⁰ ПСЗ-1. № 26493.

¹¹ Елистратов А.И. Основные начала административного права. М.: 1914. С. 324—325.

¹² Корф С.А. Административная юстиция в России. СПб., 1910. Т.1. С. 271.

¹³ Елистратов А.И. Указ. соч., С. 301—302.

¹⁴ ПСЗ-1. № 24064. Ст. 88—113.

учреждений в порядке подчиненности. В случае с губернской администрацией это могли быть министерские проверки.

Постоянным органом внешнего надзора за местными учреждениями являлся институт губернской прокуратуры. Прокурор и два его помощника (стряпчие) были подчинены министру юстиции и формально от губернатора не зависели. Губернский прокурор мог отправлять в Сенат соответствующие донесения и протесты. Его надзор распространялся на производство рекрутских наборов, сбор податей и казенных доходов, осуществление правосудия, деятельность дворянских собраний. Прокурору предоставлялась возможность лично присутствовать на заседаниях и при служебных действиях, требовать сведения и дела для просмотра, делать предложения присутственным местам по существу дел либо давать заключения по юридическим вопросам. Он мог просматривать журналы и подавать протесты на определения и решения. Без прокурорской надписи — “чел” или “читал” — ни одно постановление присутственного места не могло иметь законной силы. Вместе с тем должностной авторитет губернского прокурора был невысок. Класс этой должности (6—8) был ниже не только губернатора и вице-губернатора, но и председателей палат, поэтому и получаемое жалование было втрое меньше, чем у губернатора. К тому же эффективность их деятельности тормозило отсутствие до 30-х гг. собрания законов, а также профессионально подготовленных к управленческой работе юристов.

Существовала еще одна возможность внутреннего контроля над губернаторами. Со времен Екатерины Великой управление губернией было возложено как на правительственные, так и на сословные учреждения. С позиции сословной губерния была представлена дворянскими собраниями во главе с предводителем. С начала XIX в. губернский предводитель дворянства стал назначаться верховной властью из двух кандидатов, избранных дворянством и представленных губернатором через МВД, его статус приравнивался к губернаторскому, поскольку при назначении ему присваивался чин IV класса. Предводитель возглавлял дворянское общество, председательствовал в депутатских собраниях, был членом всех губернских Комитетов, комиссий и присутствий. Он имел право обращаться в центральные органы власти и непосредственно к императору. Все это придавало его должности реальный вес. Само наличие дворянской корпорации в губернской системе управления рассматри-

вается мною как региональная специфика. Здесь сфера деятельности полномочий губернатора была связана с выборными органами дворянского самоуправления.

Отличия региональных форм управления были закреплены в Российском законодательстве. Все местное управление разграничивалось на “общее образование управления в губерниях”, имевшее распространение на 45 губерний и на “особенные” 19 губерний. Стиль управления “внутренними” губерниями отличался от пограничных, сибирских или закавказских. Для прибалтийских губерний вообще имелось особое “Учреждение” для управления. К середине XIX века в 28 губерниях (из 64 существующих) выборные органы дворянского самоуправления участвовали в управлении наряду с губернатором. Дворянских корпоративных органов не было в 14 губерниях (в Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской, Киевской, Архангельской, Олонецкой, Вятской, Пермской и сибирских)¹⁵. Здесь председатели уголовных палат, земские исправники, заседатели земских судов не избирались дворянством, а назначались губернатором. Такова общая формальная схема порядка увольнения “начальников губернии”, закрепленная в законодательстве и спускаемая верховной властью.

Однако в жизни все обстояло намного сложнее. Возникающие конфликты между губернатором, предводителем дворянства, прокурором, вице-губернатором неизбежно подталкивали к должностному противоборству. Межличностные отношения, выходя за рамки институциональных, приводили в действие неформальные рычаги властвования. Оппозиционные губернатору “партии”, используя свой административный ресурс, существующую юридическую практику увольнения должностных лиц, а также столичные покровительствующие связи, применяли явные и скрытые способы избавления от неудобного им соперника. На проявление подобных властных неформальных наслоений интересов в “помещичьих губерниях” верховная власть особенно чутко реагировала в царствование Александра I и в период отмены крепостного права. Каждый подобный случай следует рассматривать в историческом контексте, в конкретном временном пространстве. Обратимся к практике увольнения казанских губернаторов первой четверти XIX в.

¹⁵ Матханова Н.П. Полномочия губернатора в середине XIX в., региональная специфика. // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 53—54.

В 1801 г. на имя императора поступил донос, что казанская полиция, находящаяся в ведении военного губернатора Пущина, прибегает к истязаниям и жестоким пыткам с целью получения признаний вины от обвиняемых. С ревизией этого дела был отправлен флигель-адъютант подполковник барон П. И. Альбедиль. По результатам расследования царского порученца военный и гражданский губернаторы (П. П. Пущин и А. И. Муханов) были отрешены от должностей “за злоупотребления властью”. В 1803 г. по результатам ревизии сенатора И. Б. Пестеля (отца известного декабриста) был уволен и осужден “за допущенные беспорядки и злоупотребления” казанский губернатор Н. И. Кацарев. Следующие десять лет в период губернаторства Б. А. Мансурова в губернской администрации кадровых потрясений не происходило. Его смерть в 1814 году изменила устоявшийся баланс отношений. Сразу один за другим сменилось три губернатора.

Формально у каждого был свой повод увольнения: у П. Ф. Гурьева — “по подозрению во взятке”, у И. А. Толстого — “за злоупотребления властью”, у П. А. Нилова — “за превышение власти”. Но причина отрешения от должности всех трех начальников Казанской губернии оказалась общей — это “личные неудовольствия не только между частными лицами, но и между облеченными званием службы, чему служат доказательством прения по выборам дворянским”¹⁶. Эти строки взяты мною из должностного рапорта губернского прокурора Г. И. Солнцева (бывшего ректора Казанского императорского университета). Рапорт был составлен в 1831 г. для шефа III отделения С. Е. И. В. Канцелярии. В тексте имеется пояснение, что на период правления каждого из этих губернаторов приходились очередные, дворянские выборы, “по коим некоторые дворяне, на службу избираемые начальниками губернии, по разным случаям не были утверждаемы, а вместо оных определяемы губернским правлением коронные чиновники”. Это и послужило причиной конфликтов.

Первый конфликт произошел между губернским предводителем дворянства надворным советником Г. Н. Киселевым и вице-губернатором Ф. П. Гурьевым. В 1815 г. в соответствии с указом 4 февраля 1803 года в Казанской губернии по выборам баллотировались четырнадцать представителей дворянского сословия на “общую по государству службу”, но утверждены были только семеро из них. Руководствуясь законным правом,

губернатор не утвердил отдельных кандидатов на должности исправников и чиновников земских судов. Это послужило поводом для жалоб губернского предводителя дворянства Киселева “о неутверждении губернским начальством избранных на следующее трехлетие чиновников”, направленных в Сенат и другие ведомства¹⁷. Несмотря на правовое обоснование принятых решений, Сенат вынес Гурьеву строгое замечание и вскоре он был уволен по обвинению помещика Мосолова во взятках¹⁸. Стремление губернаторов на освободившиеся вакансии в уездах назначать чиновников от правительства воспринималось дворянством как ущемление их корпоративных интересов. Если же правитель губернии по каким-либо причинам не устраивал местное общество, не сумев выстроить личные отношения с предводителем дворянства, для его удаления использовались все допустимые средства.

Так произошло и со следующим казанским губернатором — графом Ильей Андреевичем Толстым (дед Л. Н. Толстого). Толстой сразу оказался в центре конфликта с местным дворянством. Многих раздражал его образ жизни, да и мотив его назначения казался очевидным. Вдохновителем и организатором оппозиционных настроений стал князь Дмитрий Васильевич Тенишев (1766—1829 гг.) Со слов В. И. Панаева, это был очень умный, богатый, дельный человек, имевший столичные связи и влиятельные знакомства¹⁹. Его отец был известным казанским губернатором, сам он после 14-летней службы в гвардейском Преображенском полку начал статскую службу в качестве казанского вице-губернатора. Затем Тенишев стал астраханским губернатором, но был уволен и отдан под суд “за упущения по случаю эпидемии”. Через два года Сенат признал его невиновным²⁰, но горький урок несправедливой отставки оставил в нем недобрые воспоминания. Если учесть его богатейший административный опыт, затаенную обиду, конкурентное неприятие Толстого, то вполне можно предположить о его претензии на казанское губернаторство.

С 1817 г. губернский предводитель Киселев постоянно писал жалобы в Сенат, министру юстиции о прениях относительно отдельных кандидатов

¹⁷ НАРТ, ф. 168, оп. 1, д. 32, л. 1—59.

¹⁸ НАРТ, ф. 168, оп. 2, д. 46, л. 1—49.

¹⁹ Воспоминания В. И. Панаева // Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 114.

²⁰ Архив Государственного Совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801—1810). СПб., 1878. С. 124—128.

¹⁶ ГАРФ, ф. 109, 1 экспедиция 1831 г., д. 529, л. 50—54.

по дворянским выборам, о нарушениях указа о выборах 1803 г. Однако обращение Киселева в Сенат не имело былого эффекта (как в случае с Гурьевом). Открытый конфликт между губернатором и предводителем дворянства произошел, по видимому, на очередных дворянских выборах в марте 1818 г. Следующий донос “о злоупотреблениях местного начальства по дорожному сбору” был написан на имя графа А. А. Аракчеева, возглавлявшего Собственную Его Императорского Величества Канцелярию. В 1819 г. по докладу Аракчеева Комитет министров рекомендовал на командирование в Казань двух сенаторов — тайных советников С. С. Кушника и графа П. Л. Санти. Донос на дорожную повинность оказался хорошо продуманным. Не было никакой справедливости и порядка в распределении дорожной повинности между помещиками и крестьянами. Никто не следил за правильностью нарядов. По всей России дорожная повинность была одной из самых тяжелых и давала все способы к “притеснениям”.

С 12 октября 1819 г. начался осмотр губернии. 5 февраля 1820 г. был уволен губернатор Толстой. Не пережив тяжести предъявленных обвинений, он вскоре скончался. В тот же месяц по именному указу была создана “Временная следственная комиссия”²¹. Ее возглавил князь Тенишев и шесть его единомышленников. Желаемое было достигнуто — был смещен неудобный губернатор, полностью изменен состав губернской администрации, от Тенишева теперь зависели судьбы отданных под суд. Но он не торопился утруждать себя работой. По этому поводу Аракчеев прозорливо заметил: “Кажется, здесь беспорядки, ибо комиссия по сие время еще не приступала к делу, а все входит с новыми требованиями”²².

Прибывший в Казань новый гражданский губернатор Петр Андреевич Нилов должен был разобраться с этими “беспорядками”. Он изначально был настроен на активное сопротивление. Его

действия были направлены против лидеров “дворянской партии” — председателя следственной комиссии князя Тенишева и губернского предводителя Киселева. Судьба Временной казанской комиссии была решена 15 апреля 1822 г. после обсуждения на Комитете министров донесения губернатора “О беспорядках и злоупотреблениях по Казанской губернии”²³. Через четыре месяца она была официально ликвидирована. Нилову удалось организовать досрочное переизбрание губернского предводителя, обвинив Киселева в получении взяток, отдачу в рекруты чужих людей и в растрате пожертвованных дворянством денег. Подобные решительные меры не привели к улучшению отношений губернатора с местным дворянством. Конфронтация лишь усиливалась. В Петербург шел поток жалоб на поступки и поведение начальника губернии. Для разрешения сложившейся ситуации в Казань был направлен сенатор В. Ю. Соймонов. Верховная власть наделила его генерал-губернаторскими полномочиями. У Нилова с сенатором Соймоновым отношения не сложились, поэтому он вынужден был покинуть Казань и после долгих разбирательств решением Комитета министров был уволен с губернаторской должности.

Таковы причины, механизмы запуска и способы погашения конфликтов, горевших между представителями дворянской корпорации и коронной власти в Казанской губернии первой четверти XIX в. За этот период усилиями местного дворянства было смещено три губернатора. Устранение соперника достигалось путем доносов, обжалования принятых губернским начальством решений, обвинения его во взятках, провокацией сенаторской ревизии. Посредством существующей правовой практики отрешения губернаторов от должности разрешались межличностные конфликты и властные претензии. Таким образом, выходя за рамки институциональных отношений, вмешательство и участие дворян в делах административного управления губернией имело непосредственное отношение к увольнениям и перемещениям губернаторов.

²¹ ПСЗ-1. № 28167.

²² Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. I. С. 448.

²³ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 289, л. л. 350—413.